

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Даниил ДАНИН

Экран и сына. - 2000 - май

(16) - с. 16.

Пять тихих записей

Студент-очкарик МГУ, белобилетник, освобожденный от призыва, Даниил Данин все же прорвался на фронт. В июне 41-го он ушел на фронт в составе 8-й дивизии Народного ополчения Москвы. Начав войну солдатом, окончил ее капитаном. Награжден тремя орденами и десятью медалями. Он был нашим прекрасным и желанным автором. Обещал дать еще что-нибудь к 55-летию Победы. Не успел. Мы публикуем несколько фрагментов из подаренной нам Даниилом Семеновичем Даниным книжечки всего в 7 страниц, изданной тиражом в тысячу экземпляров. Для друзей. Станьте и вы ими.

Инженер-капитан Кайгородов говорит, болтая волосатой ногой в тазу с кипятком.

Минутное молчание. Слышно только, как, переваривая бочонок бараньих почек, хлещет себя мокрыми ладонями по голой груди сосед Кайгородова. Но потом голые офицеры в польской бане начинают сквозь духоту и пар врать наперебой. Бараньи почки открыли ворота.

— А у нас в Полесье был мужчина. Так он увяз однажды с лошадей в грязи. Ни туда, ни сюда. Так он распряг телегу и лошадь отвел в сторону. Так он сам подхватил оглобли и вывел телегу на сухоту. И говорит лошади — «Милая, как же тебя вытянуть, когда я сам еле вытянул». Так он...

— Эт што! А вот у нас под Николаевом лесов нету. Каждая дуб — на счету золота. И вот, значит, случай был. Пархомий — первой силач — пришел в районный центр, а там дом складуют. Видит, крупнейшая бревна лежит. Он — хозяину: «Давай, говорит, спорить — если на спину положу да несусь до большака, моя бревна будет; нет — твоя моя поддевка!» А хозяин с жадости возьми и согласись. Так што ж! Пархомий поднял, пошел, пошел, да и унес. Хозяин прямо в плач, да поздно...

Инженер-капитан, путивший первый шар, пускает последний. Перебивая всех, он говорит так, будто все время продолжал рассказ про Петровых — чудесных братьев — и теперь, наконец, добрался к концу:

— Покойный Иван Алексеевич в Бийске на базаре отдавал свою буланку одной бабе за то, что она досыта накормит его пельменями.

Но баба не согласилась: Петрова все знали, он уж не одну торговку по миру пускал...

Пар и духота становятся все плотнее. Офицерами овладевают равнодушие и вялость. Вранье затихает. Голые понемножку одеваются, никуда не торопясь — оборона! — и нехотя тихо переговариваются о скучных земных делах. А над баней гудит надоевший «костыль» — немецкий разведчик, чующий в тишине плацдарма нарастающую беду.

Они говорили: три офицера с артиллерийскими погонами, в ожидании генерала, который должен был вот-вот подъехать к польскому дому, выбранному для него на время этой короткой дневки в песках правобережной Вислы.

— Дни и годы уходят даром. Эти месяцы войны изъяты из жизни! — сказал один.

Он сказал это с грустной категоричностью. И так как люди на войне легко соглашались с печальными сентенциями, он совсем не ожидал возражений и поэтому, когда они зазвучали в страстном ответе второго, он выслушивал их молча, внимательно глядя в рот говорившему.

— Какой вздор! За годы войны мы узнали и еще узнаем все-все... Зло, счастье, родину, разлуку, ненависть, смелость, смерть, доброту, отчаяние, одиночество, власть, дисциплину, вдохновение, несвободу, порок, одержимость, горе, природу, границы, ностальгию, надежды, ожидание, беззаветность, низость, честолюбие, измену, гордость, нищету, преданность, предательство, дружбу, презре-

ние, грубость, ласки, безверие, терпение, страсть... все-все, чем богата жизнь, поставленная на острие меча и обнаженная, как рождающееся дитя. Эти годы стоят веков изумления!

Его пафос не поразил третьего.

— Но для чего все это нужно узнавать? — спросил третий. Теперь первый начал сморгать в рот ему. Но третий замолчал. Вдали показалась генеральская машина, обдававшая грязью туземцев польского селения в осенних песках.

Второй растерялся от странного вопроса и собрался с мыслями только тогда, когда уже некому было его слушать.

Фронтные девушки занимаются трогательным самонаблюдением.

— Знаешь, я уже давно научилась причесываться на ощупь.

— А у меня уже три года не подворачивался каблучок...

Я только что убил его. Из твоего пистолета, капитан. Прикажи, чтоб почистили, а то раковины образуются.

Сидя в доме одного из двенадцати лесников Радзивилла, лицом к стенному ковру, он бормотал про себя: «Я похож на оленя, вон на той стеной вышивке; как он, я бегу в глубину странной чужой страны лесистых холмов, неестественно и печально повернув голову назад к покидаемым местам...»

Он любил думать о себе невесело и красиво.

Я знал в Сибири двух братьев: Ивана Алексеевича Петрова и Иннокентия Алексеевича Петрова. Они вдвоем съедали бочонок бараньих почек.